

В статье «Два булгаризма в древнерусской этнонимии» И. Г. Добродомовой освещаются этнонимы «тиверьцы» («тиверцы») и «толковины».

Л. А. Гулиева выступила в сборнике с небольшой по объему статьей «Некоторые топонимы с этнонимическими основами на Кубани». На примере рассмотрения топонимии Кубани автор довольно убедительно доказывает, что при исследовании топонимов с этнонимическими основами необходимо выяснить: 1) является ли предполагаемая этнонимическая основа подлинным этнонимом (или происходит от фамилии и т. д.), 2) связано ли возникновение такого топонима с пребыванием на исследуемой территории данного народа, 3) взаимосвязан ли топоним с этнонимической основой и этнонимом.

«Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов» — так называется статья С. К. Бушмакина. Родовых (воршудных) названий у удмуртов насчитывается около семидесяти. Изучение этих имен, как отмечает автор статьи, имеет очень большое значение, так как помогает проследить пути миграции представителей того или другого рода и выяснить формирование диалектов.

В статьях «Этноним бесермяне» Т. И. Тепляшиной и «Происхождение и первые упоминания этнонима „ар“» В. К. Кельмакова так же, как и в упомянутой статье Д. Е. Еремеева, освещаются проблемы тюркской семантики. Статьи этих авторов следовало бы расположить рядом, так как они во многом дополняют одна другую.

Р. А. Агеева в статье «Об этнониме „чудь“, „чухна“, „чухарь“» отмечает, что, хотя было множество попыток объяснить происхождение этнонима «чудь», «чухарь», «чухна», она также обращается к этой теме и на основе изучения семантики ряда финно-угорских и самодийских этнонимов старается выяснить их основные сематические типы и параллельно с этим рассматривает различные значения этнонима „чудь“.

О главных этнонимах тунгусов (эвенков и эвенов) рассказывает в большой статье, основанной на изучении архивных источников, рукописей, полевых материалов, В. А. Туголуков.

С. И. Вайнштейн в статье «Этноним тува» проанализировал различные точки зрения на этимологию этнонима «тува» в близких фонетических вариантах «тыва — туоа — тума — туха». Ключ к этимологизации этнонима тува, как считает автор, в тюркских, а не в самодийских языках.

М. М. Маковский в статье «Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении» пишет о том, что изучение этнического состава германских завоевателей Британии, исследование истории их переселения, связи с соответствующими племенами на континенте являются «...пробным камнем сравнительного анализа языковых особенностей древних памятников» (стр. 223). После тщательного изучения обширного круга западноевропейских источников автор формулирует выводы. Приведем лишь некоторые из них. На стр. 238 читаем: «Традиционное деление германских завоевателей Британии на англов, саксов и ютов и географию их размещения на островах вряд ли можно признать обоснованными... Как показывает топонимический и археологический материал, английские племена нередко переплетались с саксонскими на юге страны, а саксонские с английскими — на севере, а с другой стороны, иствеононские племена обнаруживаются как в Нортумбрии, так и в Уэссексе или Кенте».

Этнонимии Северной Европы посвящена также статья Г. И. Анохина «Этноним фарерцы». Автор на широком фоне возможных этнических влияний рассматривает вопрос о возникновении этнонима «фарерцы» и топонима «Фарерские острова», определяет их взаимосвязь и наиболее вероятную этимологию этнонима.

Сборник завершается статьями Е. В. Ухмылиной «Названия и прозвища русского населения Горьковской области» и В. П. Дарбаковой «К этимологии этнонима калмык».

Дж. Б. Логашова

НАРОДЫ СССР

Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора), М., 1970, ч. I—III, 2218 стр.

Рассматриваемое издание представляет собой одну из наиболее объемных публикаций архивных материалов по истории и этнографии народов Сибири. Документам предпосланы обширное предисловие С. А. Токарева, статья И. С. Гурвича «Ясак в Якутии в XVII в.» и археографическое введение, составленное С. С. Филипповой. Приложение к изданию составляют таблицы сметных списков ясачного сбора, кропотливо составленные Б. О. Долгих, и тематически исчерпывающие указатели (предметно-терминологический, географических и этнических названий, личных имен — якутских, тунгусских, юкагирских и русских).

История создания рассматриваемого издания не вполне обычна. Задуманный 35 лет тому назад по инициативе выдающегося сибиреведа С. В. Бахрушина, уделявшего большое внимание истории Якутии, этот труд вышел в свет много позже целого ряда более удачливых по своей судьбе книг, посвященных истории Якутии XVII в. Несмотря на это обстоятельство, неблагоприятное в принципе для оценки новизны из-

дания, «Материалы по истории Якутии XVII века» в силу своей фундаментальности и тематической целенаправленности представляют большой интерес и ценность как для дальнейших научных исследований, так и в учебно-педагогических целях.

Публикация документов по тематическому плану должна оцениваться как наиболее рациональный путь введения в широкий научный обиход архивных материалов. Именно таким путем были достигнуты интересные результаты в освещении истории великих русских географических открытий в Сибири, на Ледовитом и Тихом океанах¹.

В предисловии к рецензируемому изданию С. А. Токарев пишет об основной цели С. В. Бахрушина — включить в план издания документы по истории Якутии, материалы о русском населении Якутии (таможенные книги, челобитные служилых людей, росписи, кабалы и пр.), данные о приписке новых земель и постройке острогов, о воеводском управлении и т. п. (стр. XXIII). Из этого обширного замысла осуществлена пока только одна его часть: в хронологическом порядке приведены документы, отражающие историю становления и организации ясачного сбора. Еще в 1927 г. С. В. Бахрушин в своей статье «Ясак в Сибири в XVII в.» писал о характернейшей особенности системы ясачного обложения, выработавшейся в процессе присоединения отдельных областей Сибири к России: «Разнообразие видов ясака на местах, его окладной и неокладной характер зависели от того разнообразия бытовых и культурных условий, среди которых пришлось действовать русским²». Если при данной характеристике особенностей системы ясачного обложения учесть еще политические обстоятельства, при которых та или иная этническая группировка аборигенного населения вовлекалась в русское подданство — то общая причинная обусловленность неслучайности явлений, проявлявшихся в системе ясачного режима в Сибири, была бы исчерпана. Разумеется, со времени издания упомянутой статьи С. В. Бахрушина советские исследователи неоднократно обращались к этой теме. Воздавая в целом должное немалым успехам отечественного сибиреведения, особенно за последние десятилетия, отметим, что проблема управления Сибири до сих пор не получила монографически-обобщающего освещения. Именно поэтому введение в широкий научный оборот целого комплекса документов, хранящихся в Центральном гос. архиве древних актов, о ясачном режиме, являвшемся одной из основных частей управления Сибири, следует только приветствовать.

Б. О. Долгих, С. А. Токарев, И. С. Гурвич, С. С. Филиппова осуществили огромный труд по выявлению источников, их обработке, подготовке к печати и научной интерпретации. Наиболее цельное впечатление производят первые три раздела публикации, составляющие ее основную часть и включающие ясачные книги 1631/32 — 1648/49 гг. и росписи соболиной казны за ряд лет, с 1640 по 1676/77 гг. (док. №№ 1—17). Их дополняют приложенные к изданию таблицы сметных списков ясачного сбора, отражающие численность ясачных людей по отдельным волостям, объем и стоимость вносимого ими ясака за 1655/56, 1661/62, 1672/73, 1678/79, 1684/85, 1694/95, 1700, 1708 гг., а также две челобитные — атамана И. Галкина (1632) и стрелецкого сотника П. Бекетова (1633) с подробными сведениями о начале установления на Лене ясачного режима (док. №№ 38, 39). Из этой группы документов выделяется грандиозная окладная книга 1648/49 г. (док. № 14), занимающая более половины всей публикации. Давая краткую характеристику публикуемым источникам, С. А. Токарев справедливо отметил их значение для освещения целого ряда вопросов — системы ясачного сбора (принципы раскладки ясака, размер ясачного оклада, техника ясачного сбора, аманатство, поручительство, последствия ясачного режима), родоплеменной и социально-экономической структуры якутов XVII в., родственных отношений у них, взаимоотношений между якутами и другими этническими группами местного населения (тунгусами, юкагирами и др.), проживавшими или попеременно с якутами, или населявшими окраинные районы Якутского края (стр. X—XXI). В своей совокупности данные этих источников в равной степени значимы как для собственно исторических, так и для этнографических и лингвистических исследований. Подтверждением тому является работа Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» (1960 г.), написанная на основе ясачных книг, и труд И. С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири» (1966).

Этим отнюдь не исчерпываются познавательные возможности рассматриваемого типа источников. Ясачные книги играют не меньшую роль и при выявлении последовательности вовлечения в XVII в. аборигенного сибирского населения в подданство Русского государства. Отписки представителей царской администрации и служебные списки служилых людей часто дают в этом отношении лишь исходные данные, свидетельствующие о том, что та или иная группа местного населения впервые согласилась на ясак, дала шерсть и т. д. Однако сведения не только о формальном признании русского подданства, но и о вовлечении местного населения в постоянно действующую систему гнета феодального Русского государства, о, так сказать, «освоении» им новых налогоплательщиков, особенно после образования Якутского воеводства (1641) и создания там постоянной царской администрации, заменившей присылаемых раньше сборщиков ясака из Мангазеи и Енисейска, могут дать лишь ясачные книги за последо-

¹ Сб. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», М., 1951; сб. «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», Л.—М., 1952; сб. «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.», М., 1964.

² С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 61.

вательный ряд лет. Подобный анализ документов, публикуемых в рассматриваемом издании, скрупулезно был уже проделан С. А. Токаревым и Б. О. Долгих для другой цели — определения состава якутского населения XVII в.

Кроме того, из ясачных книг (особенно такой полной, как книга 1648/49 г.) можно почерпнуть интересные данные о пушном деле, сертификации мехов, о наиболее добычливых районах пушных, прежде всего, соболиных промыслов, что в настоящее время известно лишь в самой общей форме. Между тем выяснение этого вопроса имеет практическое значение. Так, относительно недавно К. Д. Нумеров и П. Н. Павлов, основываясь на различных данных по отдельным районам Енисейского края с XVII в. (тамженные и отчасти ясачные книги), установили чрезвычайно существенный для практики современного пушного хозяйства факт восстановления в настоящее время в тех местах запасов соболя до уровня, существовавшего к началу массового промысла, развернутого русскими охотниками (1630-е гг.)³. Очень интересен материал документа № 6 — «Книги поупочной соболиной казны в новом Ленском острожке» (1634/35), свидетельствующий о неэквивалентном обмене медных изделий и бисера на драгоценные соболиные меха, который в интересах царской казны проводили служилые люди (об этом см. и в док. № 10).

Немало сведений о последствиях бурных и трагичных событий в Якутии в начале 1640-х гг. содержится в книге ясачного сбора 1648/49 г., которая буквально пестрит записями о том, что такой-то ясачный якут «за их якутскую измену повешен», или «человек нужной и недостаточной, бескотной, кормитца по озерам рыбой», или «сшел за дальние озера», «кормитца рыбой и сосной», или «со 151 (1642/43) по нынешний 157 (1648/49) год не платил ничево, потому что де он человек нужной и недостаточной, бескотной, кормитца по озерам рыбою», (стр. 508), или «скота де у него 1 корова, а иного скота никакова нет, потому что де в ызменной год громили ево служилые люди от Петра Головина» (стр. 482) и т. д.

Таким образом, данные такого своеобразного кадастра, как ясачный сбор, чрезвычайно емки и многоплановы по своему содержанию и могут привести к новым существенным наблюдениям.

Другая группа документов (№№ 18—31, дополняющую первую, освещает систему и технику взимания ясачных сборов. Они представлены отписками воевод и челобитными якутов о сборе ясака, а также довольно редким образом шертовальной записи.

В целом на основании всех этих документов создается довольно четкое представление о системе ясачного режима, установленного в Якутии. Вызывает лишь удивление полное отсутствие документов, раскрывающих сущность аманатства. Такой просчет составителей тем более досаден потому, что причины отсутствия или бытования этого явления в системе ясачного режима заслуживают внимания исследователей.

Можно не сомневаться, что публикуемые документы позволяют дополнить уже имеющиеся выводы о ясаке в Сибири и, в частности, о его своеобразии в Якутии.

В своей статье «Ясак в Якутии в XVII в.» И. С. Гурвич (стр. XXIV—XLVIII) справедливо уделил основное внимание процессу перехода от коллективного обложения ясаком целых родов или родовых групп к индивидуальному или поголовному ясачному обложению и известной гибкости царской администрации, привлекавшей якутов к уплате ясака различными поощрениями. По словам автора статьи, «при всей жестокости методов сбора ясака, нельзя не видеть, что это была политика, направленная на введение определенной налоговой системы, а не грабеж» (стр. XLIV), политика, которая не вела к истреблению коренного населения, не приводила к нарушению его образа жизни и хозяйственного уклада, к уничтожению его самобытности (стр. XLVII).

Следует надеяться, что дальнейшее изучение порайонных особенностей системы сбора ясака позволит завершить изучение проблемы ясачного режима в Сибири в целом.

Последняя, относительно небольшая группа документов (№№ 32—37) отражает материалы о ясачном недоборе в конце XVII в. Они также характеризуют систему ясачного режима, но по своему подбору — менее удачны. Составители ограничились местной перепиской административных лиц, в которой лишь фиксировался этот недобор. Если упомянутые выше группы документов целенаправленно освещают отдельные стороны ясачного сбора, то материалы местной переписки не раскрывают и не могут раскрыть наиболее темную сторону сборов, а именно — злоупотребления представителей местной администрации разных рангов, от рядовых сборщиков до самих воевод. Только в грамоте воеводе И. М. Гагарину 1690 г. (док. № 36) говорится об этом. Между тем эта проблема на протяжении всего XVII в. весьма беспокоила Сибирский приказ, который систематически, но довольно безуспешно, пытался в интересах, прежде всего, казны искоренить «воровскую корысть» своих представителей на местах. Для этой цели из Москвы посылались специальные «сыщики», ревизии которых раскрывали

³ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов, Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири, «Уч. записки Красноярского Гос. пед. ин-та», т. 24, вып. 5, кафедра зоологии, Красноярск, 1963, стр. 85—105; К. Д. Нумеров, Соболя Енисейской Сибири, Автореферат канд. диссертации, Красноярск — Иркутск, 1965.

масштабы «воровства», во главе которого стояли сами воеводы⁴. Дела этих сысков уже анализировались в исследованиях и было бы весьма целесообразно привлечь их прежде всего для публикации.

Специалисты-сибиреведы должны быть благодарны составителям и издателям за выпуск в свет такого обширного и содержательного свода документальных материалов.

В. А. Александров

⁴ Например, в 1660-х гг. якутский воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов самолично отправил из Сибири колоссальное количество соболей — 573 сороков, пятая часть которых была им получена за счет ясачных людей. Другие якутские воеводы вели себя так же. — См. В. А. Александров, Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в., «Исторические записки», 59, 1957, стр. 264—267.

И. Н. Винников. Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969, 359 стр.

«Два араба на берегу арыка сидели. Эмир Тимур верхом на коне к арыку подъехал. Конь рот открыл, воды напился. Под языком у него клеймо было. Арабы клеймо это увидели. Эмир уехал. Арабы вслед за ним пошли. Пришли, эмиру сказали: «Этот конь наш!» Эмир сказал: «Конь мой!», «Нет наш!» — арабы сказали. Эмир сказал: «Он у меня родился! Мой жеребчик!» Арабы сказали: «Он наш! У него примета есть!» «Где у него примета?» — эмир спросил. «Под языком у него примета!» — арабы ответили. Открыли коню рот, посмотрели — примета. Арабы забрали коня. Эмир разгневался. «Всех арабов соберу, перережу; их кровью жернова буду вертеть!» — сказал. Ходжа Хайдари эмиру сказал, «Не убивай их. Выгони их из их страны, [особым] арабским налогом их обложи!» Эмир из [родного] дома их выгнал, погнал их, в разных местах бросил. Особый — арабский налог на них наложил. Когда бухарские стены обрушились, на арабские деньги [новые] стены возвели»¹.

Так рассказывается о появлении арабов в Средней Азии в одной из арабских легенд. Научная литература XIX в. мало что могла добавить к этой легенде. Сведения о происхождении, расселении, численности и образе жизни среднеазиатских арабов были скупы, случайны, часто противоречивы. Только в 1922 г. знаменитый русский востоковед В. В. Бартольд, намечая новые задачи изучения Туркестана, впервые указал на важность систематического исследования языка и культуры среднеазиатских арабов². Позднее в результате деятельности комиссии по районированию Средней Азии, проведения Всесоюзной переписи населения в 1926 г., Самаркандской этнографической экспедиции (1921 г.) и антропологической экспедиции, организованной Узбекской ССР (1927 г.)³, были получены некоторые сведения о численности, быте и антропологическом типе среднеазиатских арабов. Наибольшее внимание привлекло сообщение этнографа Н. Н. Бурькиной и М. М. Измайловой, установивших, что в двух кишлаках Узбекской ССР — Джогари Бухарской области и Джейнау Кашкадарьинской области — сохранился живой арабский язык⁴.

Серьезное научное изучение вопроса началось в середине тридцатых годов после поездки в этот район семитолога-лингвиста Г. В. Церетели, сделавшего ряд наблюдений по поводу фольклора и диалектов местного арабоязычного населения⁵. В 1936 г., по инициативе И. Ю. Крачковского, Институт востоковедения АН СССР направил в Узбекистан первую специальную экспедицию в составе И. Н. Винникова, К. В. Оде-Васильевой и Г. В. Церетели для общего обследования среднеазиатских арабов. В 1938 г. по заданию Института этнографии АН СССР полевые исследования были продолжены семитологом и этнографом И. Н. Винниковым, совершившим в общей сложности пять поездок к среднеазиатским арабам, что позволило ему систематически исследовать данную группу и собрать обширный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Рецензируемый сборник охватывает лишь часть этого материала. Арабам Советского Союза посвящены другие работы ученого⁶.

¹ И. Н. Винников, Язык и фольклор бухарских арабов, М., 1969, стр. 140, 141.

² В. В. Бартольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, сб. «Наука и просвещение», № 2, Ташкент, 1922.

³ М. С. Андреев, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XVII, Ташкент, 1924; Л. В. Ошанин, Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929.

⁴ Н. Н. Бурькина, М. М. Измайлова, Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР, «Записки Коллегии востоковедов», т. V, 1930.

⁵ Г. В. Церетели, Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, 1939; е го же, Арабские диалекты Средней Азии (I — Бухарский арабский диалект), Тбилиси, 1956.

⁶ И. Н. Винников, Арабы в СССР, сб. «Сов. этнография», вып. IV, М.—Л., 1940; е го же, Арабы Средней Азии, «Ат-Тарик», № 13, Бейрут, 1943; е го же, Словарь диалекта бухарских арабов, М.—Л., 1962; е го же, Материалы по языку и фольклору бухарских арабов, сб. «Советское востоковедение», вып. VI, 1949; е го же, Фольклор бухарских арабов, «Acta Orientalia», VI, Будапешт, 1956; е го же, Образцы фольклора бухарских арабов, «Archiv Orientalni», Prague, 1957; е го же, Изучение